

УДК821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М35

Nicolas Mathieu

LEURS ENFANTS APRÈS EUX

Copyright © Editions Actes Sud — Arles 2018
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Серафимы Васильевой*

Художественное оформление *Яны Паламарчук*

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Chok.Ch, donatas1205 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

*Издательство благодарит Кристель Вержад,
атташе по сотрудничеству в области литературы
и книгоиздания, за неоценимую помощь
в подготовке этой книги.*

Матье, Николя.

М35 И дети их после них / Николя Матье ; [перевод с французского С. Васильева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-109704-2

«И дети их после них» — непревзойденный роман о становлении личности, о цикличности поколений. Роман, на страницах которого запечатлен истинный дух Франции. Далеким летом 1992 года, когда окутанный духотой город Эй-анж спал, четырнадцатилетний Антони и его кузен, украв каное, отправились на нудистский пляж. В тот день судьба свела их со Стеф — первой любовью Антони. Эта встреча стала переломным моментом, определившим всю их дальнейшую жизнь. Четыре лета — четыре ключевых эпизода в жизни Антони и его друзей. Глазами этих подростков, чьи души обуяны хаосом, яростью, тоской, желанием вырваться в большой мир и отвоевать себе лучшее будущее, Матье показывает Францию девяностых, страну, задержавшую дыхание.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-109704-2

© Васильева С., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Оскар

Есть между ними такие, <...> о которых не осталось памяти, которые исчезли, как будто не существовали, и сделались как бы небывшими, и дети их после них.

*Книга Премудрости Иисуса,
сына Сирахова, 44, 9.*

I

1992

Smells Like Teen Spirit¹

1

Антони стоял на берегу и смотрел прямо перед собой. Воды озера лежали на одном уровне с солнцем и казались тяжелыми, как нефть. Временами карп или щука, проплывая близко от поверхности, морщили их бархат. Мальчик потянул носом. В воздухе стоял запах тины, слежавшейся от жары земли. Июль усыпал веснушками его уже широкую спину. На нем не было ничего, кроме старых футбольных трусов и поддельных очков «рей-бен». Жара стояла убийственная, но дело было не только в этом.

Антони только что исполнилось четырнадцать. На полдник он мог умять целый багет с «Веселой коровой». По ночам ему случалось иногда сочинять песни, лежа в надульниках. Родители у него были полный отстой. А осенью он пойдет в третий класс².

Его кузен — вот кто не парится. Подремывает себе, растянувшись на полотенце, красивом, купленном на рынке в Кальви в том году, когда они ездили в лагерь. Даже лежа он выглядит высоким. Все запросто дают ему двадцать два, а то и двадцать три года. Кстати, кузен с успехом использует это обманчивое впечатление о себе, чтобы ходить

¹ «Smells Like Teen Spirit» (*англ.* «Пахнет подростковым духом») — песня американской группы «Nirvana» из альбома «Nevermind» (1991).

² Согласно французской системе образования третий класс средней школы соответствует примерно нашему девятому.

туда, где ему бывать не положено. В бары, кабаки, по девочкам.

Антони вытянул из засунутой в карман шортов пачки сигарету и спросил у кузена, не кажется ли, часом, и тому, что они тут скоро подохнут от скуки.

Кузен не пошевелился. Под кожей у него угадывался четкий рельеф мускулов. Время от времени, когда на складку у подмышки садилась муха, его кожа вздрагивала, как у коня, которого донимает слепень. Антони тоже хотелось быть таким — стройным, с накачанным торсом. Каждый вечер у себя в конуре он отжимался и качал пресс. Но он был другой. Всегда квадратный, массивный, как бифштекс. Как-то в школе классный надзиратель доставал его из-за порванного футбольного мяча. Антони предложил ему встретиться у выхода. Тот так и не пришел. Да и «рейбены» у кузена настоящие.

Антони закурил сигарету и вздохнул. Кузен знает, чего хочет. Антони уже несколько дней уламывал его сходить на пляж «голозадых», хотя это было слишком оптимистичное название, потому что ничего особенного там не увидишь, кроме девиц топлес, да и то не факт. Но, как бы то ни было, идея побывать там прочно засела в голове у Антони.

— Ну давай сходим...

— Не-а, — буркнул в ответ кузен.

— Ну пожалуйста.

— Не сейчас. Купайся себе.

— Да, правда...

Антони уставился на воду своим странным печальным взглядом. Как бы лениво опущенное правое веко искажало его лицо, придавая ему постоянно угрюмое выражение. И тут облом. Как и с этой навалившейся на него жарой, с этим неуклюжим, словно обрубленным телом, с ногами сорок третьего размера, со всеми этими прыщами, то и дело выскакивавшими на физиономии. Купаться... Лег-

ко ему говорить, этому кузену. Антони сплюнул сквозь зубы.

За год до того утонул младший Колен. Четырнадцатого июля, нетрудно запомнить. В тот вечер на берегу озера и в леске собралось много местных — посмотреть праздничный салют. Жгли костры, устраивали барбекю. Как обычно, сразу после полуночи вспыхнула потасовка. Сначала солдатики из казармы не поделили что-то с арабами из «зоны»¹, а потом ввязались «головастики» из Энникура. В конце концов в драку полезли любители отдыха на природе, в основном молодежь, но были и семейные мужики, пузатые обгоревшие на солнце бельгийцы тоже не остались в стороне. На следующий день на месте драки нашли обрывки жирной бумаги, испачканные кровью дрова, кучу битых бутылок и даже «Оптимист», мини-яхту местного акваклуба, застрявшую в дереве; неслабо, да? Не нашли только младшего Колена.

А ведь тот весь вечер торчал на озере. Это было точно известно, потому что он пришел туда со своими корешами, которые потом все подтвердили. Ребята как ребята, ничего особенного, Арно, Александр или Себастьян, только-только окончили школу, у них даже водительских прав еще не было. Пришли они туда специально посмотреть на традиционную драку, сами ввязываться не собирались. Но в какой-то момент оказались в самой гуще. Дальше все было туманно. Несколько свидетелей заметили паренька, который казался раненым. Вспоминали футболку всю в крови, а еще рану в горле — черную, влажную дыру. В сумятице никто не взял на себя труд оказать ему помощь. Утром постель младшего Колена оказалась пустой.

¹ Имеется в виду так называемая «зона первоочередной застройки» — кварталы новостроек, появившиеся в 1970—1980-е годы на окраинах больших городов и заселявшиеся впоследствии выходцами из стран Северной Африки.

В последующие дни префект полиции организовал поиски в окрестных лесах, а аквалангисты тем временем обследовали дно озера. Зеваки часами наблюдали за тем, как снует туда-сюда оранжевый «Зодиак». Аквалангисты плюхались в воду спиной, доносился далекий всплеск, и потом все долго ждали в мертвом молчании.

Говорили, что мать Колена в больнице, под транквилизаторами. Еще говорили, будто она повесилась. Или что видели, как она брела по улице в одной ночной рубашке. Отец Колена работал в муниципальной полиции. Он был охотник, а поскольку все, естественно, думали, что это дело рук арабов, была надежда, что он так или иначе сведет с ними счеты. Отец был тот самый коренастый тип, что сидел в лодке спасателей, подставив лысину палящему солнцу. Люди с берега наблюдали его неподвижность, его невыносимое спокойствие и медленно созревающий череп. Его терпение всем казалось возмутительным. Людям хотелось, чтобы он что-то сделал, хотя бы пошевелился, надел фуражку.

Потом народ еще переволновался из-за того портрета, опубликованного в газете. На фотографии младший Колен получился каким-то нелепым, некрасивым, бледным, словом, как и должна выглядеть жертва. Вьющиеся на висках волосы, карие глаза, красная футболка. В статье говорилось, что он сдал выпускной экзамен с отметкой «очень хорошо». Достижение, учитывая его семейку. «Чего только не бывает», — сказал тогда отец Антони.

В общем, тело так и не нашли, и папаша Колен преспокойненько отправился к себе на работу. Жена его не повесилась — ничего такого. Только на таблетки подседа — и все.

В любом случае, Антони не имел ни малейшей охоты плавать в этом озере. Окурок с легким шипением коснулся поверхности воды. Он взглянул на небо и нахмурился от

яркого света. На какой-то миг его веки сравнялись. Солнце стояло высоко, было, скорее всего, часа три. От курения на языке остался неприятный вкус. Нет, точно, время как будто остановилось. При этом новый учебный год надвигался со страшной скоростью.

— Твою мать...

Кузен приподнялся.

— Достал, однако...

— Серьезно, скучища. Ни фига не делать целыми днями.

— Да ладно тебе...

Кузен накинул полотенце на плечи, оседлал свой крутой велик, собрался ехать.

— Давай шевели копытами. Едем.

— Куда это?

— Пошевеливайся, говорю.

Антони засунул полотенце в старый рюкзак «Шевиньон», достал из кроссовки часы и быстро оделся. Он только успел поднять с земли свой «ВМХ», как кузен уже скрылся за поворотом огибающей озеро дороги.

— Подожди, блин!

Антони липнул к нему с самого детства. Их матери в молодости тоже были неразлейвода. Девицы Мужель, как их называли. Долго они наводили шороху в танцевальных залах кантона, прежде чем обе выскочили замуж, потому что любовь! Элен, мать Антони, выбрала одного из сыновей Казати. Ирен повезло еще меньше. Как бы то ни было, девицы Мужель с мужьями, детьми-кузенами — обе семьи — это был один мир. Чтобы убедиться в этом, достаточно было понаблюдать их на свадьбах, похоронах, на Рождество.

Мужчины мало говорили, рано умирали. Женщины красили и перекрашивали волосы и смотрели на жизнь с оптимизмом, градус которого тем не менее постепенно понижался. Состарившись, они хранили память о своих мужьях,

отдавших Богу душу, кто на работе, кто в кабаке, кто от силикоза, о сыновьях, погибших на дороге, не считая тех, кто попросту смылся. Ирен, мать кузена, принадлежала именно к этой категории брошенных жен. Поэтому кузен быстро повзрослел. В шестнадцать лет он умел стричь траву, водить машину, не имея прав, готовить жратву. Ему даже разрешалось курить у себя в комнате. Он был бесстрашным и уверенным в себе. Антони пошел бы за ним даже в ад. Зато предки с их образом жизни вызывали у него все меньше теплых чувств. Все у них было как-то мелко — и рост, и положение, и надежды, даже несчастья — широко распространенные и какие-то конъюнктурные. Они либо теряли работу, либо разводились, либо оказывались рогоносцами, либо заболели раком. В целом они были нормальными, и все, что существовало вне их жизни, считали относительно недопустимым. Так и росли эти семьи на камнях злобы, в подземельях накопившегося горя, которое под действием рюмки «пастиса» могло в один миг вылиться в такой банкет, что мало не покажется. Антони все чаще и чаще смотрел на них свысока. И мечтал свалить подальше.

Вскоре они приехали к старым железнодорожным путям, и кузен оставил свой велик в бурьяне. Затем, присев на рельсы, он какое-то время смотрел на досуговый центр «Лео Лагранж», находившийся внизу, под самой насыпью. Лодочный ангар был открыт настежь. Вокруг — ни души. Антони бросил свой «ВМХ» и подошел к кузену.

— Никого, — сказал кузен. — Сейчас прихватим лодку и поедем.

— Ты уверен?

— Не вплавь же нам добираться.

И кузен прыгнул вниз и побежал по насыпи через колючие кустарники и бурьян. Антони не отставал. Ему было страшно, но здорово.

В ангаре они несколько секунд привыкали к полутьме. К металлической стойке было подвешено несколько лодчонок, один «Атлантис-42» и каноэ. На вешалках висели спасательные жилеты, сильно вонявшие плесенью. Через открытые настежь двери виднелись пляж, сверкающее озеро и плоский пейзаж — как будто киноэкран, повисший во влажном полумраке.

— Иди сюда, вот эту возьмем.

Слаженным движением они отцепили выбранное кузеном каноэ, затем подхватили весла. Перед тем как выйти из прохладного ангара, они немного помедлили. Там было хорошо. Вдали одинокий серфер под парусом вычерчивал светлые борозды на поверхности озера. Никто так и не появился. У Антони кружилась голова, как у пьяного, такое обычно бывало с ним перед какой-нибудь глупой выходкой, например, когда он тырил что-нибудь в супермаркете или гонял как сумасшедший на мотоцикле.

— Ну давай. Поехали, — сказал кузен.

Взвалив каноэ на плечи и взяв по веслу, они бросились наутек.

В досуговом центре «Лео Лагранж» тусовались безобидные в сущности ребята, которых родители пристраивали туда на время, пока не начнутся занятия в школе. Вместо того чтобы искать в городе проблем на свою задницу, они занимались конным спортом и катались на водных велосипедах. В самом конце устраивался праздник, все целовались по углам и пили втихомолку; самым наглым удавалось даже склеить жогающую. Правда, в общей куче всегда находилось несколько редких отморозков, деревенских шпанцов, выдрессированных отцовской плеткой. Если попадутся такие, дело может плохо кончиться. Антони старался об этом не думать. Каноэ было тяжеленное. Только бы до берега дотянуть, максимум тридцать метров. Лодка врезалась в плечо. Он стиснул зубы. Тут кузен зацепился ногой о ко-

рень, и нос каноэ резко дернулся. Антони, шедший сзади, споткнулся и почувствовал, как в ладонь вонзилось что-то твердое, вроде занозы или какого-то острия, торчавшего внутри. Стоя на коленях, он смотрел на пораненную ладонь. Из нее текла кровь. Кузен был уже на ногах.

— Давай, времени нету.

— Секунду. Я поранился.

Он поднес руку к губам. Рот наполнился вкусом крови.

— Скорее!

Послышались голоса. Они снова побежали трусцой, кое-как удерживая лодку и глядя под ноги. С разбегу они влетели в воду по пояс. Антони подумал о своих сигаретах и о лежавшем в рюкзаке плеере.

— Залезай! — сказал кузен, отталкивая лодку дальше от берега. — Быстро.

— Эй! — заорал кто-то позади них.

Голос был мужской. Потом раздались и другие крики, все ближе и ближе.

— Эй вы, а ну назад! Эй!

Антони с грехом пополам забрался в каноэ. Кузен толкнул лодку в последний раз и тоже вскарабкался внутрь. Позади них на берегу какой-то пацан в плавках и два инструктора надрывались что было сил.

— Гребите. Поплыли. Давай!

Они не сразу, но приновились и довольно скоро уже гребли — Антони с левого борта, кузен с правого. На берегу суетились и орал на все голоса мальчишки в крайней степени возбуждения. Инструкторы бросились в ангар и вынесли оттуда три каноэ.

К счастью, лодка кузенов разрежала водную гладь с ободряющей четкостью. Они плечами чувствовали сопротивление воды и испытывали пьянящее ощущение скорости под ногами. Антони увидел тонкую струйку крови, текущую вдоль предплечья. Он на секунду выпустил весло из рук.

— Ты как? — спросил кузен.

— Ничего.

— Уверен?

— Ага.

Падавшие к его ногам красные капли сложились в голову Микки-Мауса. На ладони зиял тонкий порез. Он поднес руку ко рту.

— Гребни! — сказал кузен.

Преследователи, в том числе и взрослые, сидели в лодках по двое, по трою. Они были не так уж далеко, и Антони взялся за весло с удвоенной силой. Солнце билось о черную воду озера, разлетаясь на миллион белых осколков. Он чувствовал, как по лбу и по бокам у него струится пот. Майка на спине как будто намертво приклеилась к коже. На душе у него было беспокойно. А вдруг они вызвали левых?

— Что делать будем?

— Они не погонятся за нами дальше.

— Ты в этом уверен?

— Гребни, блин!

Через какое-то время кузен изменил направление и повел лодку вдоль берега. Так он надеялся скорее добраться до Стрелки — узкой полоски земли, разделявшей озеро на две части. Им бы только перевалить за этот мыс, и тогда на несколько минут они окажутся вне поля зрения преследователей.

— Смотри, — сказал кузен.

Отдыхающие на ближайших пляжах повскакивали, чтобы лучше видеть, и ободряли беглецов свистом и выкриками. Антони с кузеном обычно ходили купаться в одно и то же место, на более-менее доступный пляж, называвшийся среди местных Помойкой. Считалось, что где-то поблизости находится сточная труба, чем объяснялось спокойствие этого места даже в разгар сезона. На озере было немало и других